

Чтобы не давать помощнику генерала Лю лишнего повода для придирок, Мао Сяофэй в ту же ночь отправился в главный шатер на поиски своего спасителя. На дежурстве как раз стоял Чжоу Цзи. Увидев Сяофэя, он расплылся в услужливой улыбке и предупредительно приподнял тяжелый полог.

С кистью в руке Му Цаньшан корпел над военным донесением. Он сидел прямо, с безупречной осанкой; его суровое, сосредоточенное лицо разительно отличалось от того бесшабашного облика, который Мао Сяофэй привык видеть во время их безумного бегства от варваров.

Сяофэй на миг растерялся, не зная, с чего начать разговор. Услышав короткое «садись» от Му Цаньшана, он послушно устроился на краешке стула.

Добрых полчаса Мао Сяофэй бесцельно разглядывал убранство шатра: серебристый колчан на стене, строгие контуры тяжелого боевого лука... Оружие держали в безупречном порядке. Становилось ясно, что для Му Цаньшана это не просто украшения, раз уж он тащил их в такую даль.

Му Цаньшан работал не шелохаясь, хотя краем глаза неотрывно следил за гостем. Лишь закончив донесение, он аккуратно запечатал его и велел немедленно отправить с гонцом.

Поднявшись из-за стола, он подошел к Мао Сяофэю и накинул ему на плечи свой теплый плащ.

Тот уже спал без задних ног, спокойно пустив слюну. Кругом ворох нерешенных проблем, а этот шельмец умудряется дрыхнуть безмятежней младенца. Му Цаньшан едва заметно улыбнулся. Покачав головой, он вернулся к столу и принялся за карту земель варваров.

Проснувшись, Мао Сяофэй обнаружил, что лежит на постели Му Цаньшана. Судя по яркому солнечному лучу, пробивавшемуся сквозь щель в пологе шатра, утреннюю тренировку он благополучно проспал.

Смутившись до глубины души, Сяофэй утер мокрый след у рта, быстро натянул сапоги и шагнул к выходу.

Но стражники у входа тут же преградили ему путь скрещенными копьями:

— Генерал приказал ждать его здесь, — отрезал один из часовых.

Пришлось вернуться и сесть на постель. Спальное место молодого генерала разительно отличалось от ледяных, сырых нар в казарме новобранцев — здесь было так тепло и мягко, что Мао Сяофэй не удержался, снова откинулся на подушки и провалился в сон.

Наевшись принесенного в полдень обеда, он выместил всю досаду на подушках и устроил себе тихий час. Когда он снова открыл глаза, день уже догорал, но молодой генерал так и не

появился.

Сяофэй вскочил на ноги и решительно бросился к выходу. Ему кровь из носа нужно было вернуться в казарму: Чжуаши скоро проснется, ребенка нужно накормить и напоить лекарствами, без него там никто не справится.

Стоило ему приоткрыть полог, как он замер. Поодаль показался Му Цаньшан, но шел он не один — рядом шествовал мужчина неопиcуемой, утонченной красоты. Внутри у Сяофэя все перевернулось, оставив горький, необъяснимый осадок.

Заметив Мао Сяофэя, Му Цаньшан на мгновение помрачнел — он явно досадовал.

Похоже, бравый вояка напрочь забыл о пленнике в собственном шатре. Сяофэй подошел ближе и вдруг, резко опустившись на одно колено, отвесил генералу образцовый, церемонный поклон по всем правилам воинского устава.

— Генерал наконец-то вернулся, — глухо произнес Мао Сяофэй, не поднимая головы. — Позвольте узнать, когда я могу идти?

Му Цаньшан хмуро оглядел взъерошенные волосы юноши и его помятую одежду. С трудом сдержав раздражение, он сухо бросил:

— Ступай. Завтра после обеда явишься ко мне.

Только когда Му Цаньшан со своим спутником прошли мимо, Сяофэй поднялся с колена и проводил незнакомца долгим взглядом. На том были роскошные парчовые одежды, но выглядел он вовсе не как столичный франт — высокий, стройный, вольный в движениях, он казался человеком возвышенным, парящим над земной суетой. Постояв рядом с ним на коленях, Мао Сяофэй вдруг поймал себя на нелепой мысли: он искренне боялся случайно испачкать изысканный наряд этого господина своим серым солдатским тряпьем.

Чертовщина какая-то.

Он пару раз с силой хлопнул себя по щекам, чтобы прийти в себя, и побрел обратно в лагерь новобранцев, на ходу оправляя одежду. Всю дорогу его не покидала одна мысль: прошлую ночь он провел в шатре Му Цаньшана. Спал без задних ног, совершенно беззащитный, а ведь этот вояка совсем недавно клялся ему в пылких чувствах... и пальцем его не тронул.

От нахлынувшего стыда Мао Сяофэй размахнулся и влепил себе звонкую затрещину.

«Тьфу, дешевка бесстыжая!» — беззвучно обругал он себя.

В лагере новобранцев как раз закончился ужин — самое шумное время дня. Стараясь не привлекать лишнего внимания, Сяофэй пониже опустил голову и шмыгнул на свое место.

Чжуаси уже проснулся. Малыш зарылся головой в его одеяло, уморительно выпятив кверху худую попку, которая забавно покачивалась при каждом его движении.

— Вернулся? — спросил Сюй Ци с самым будничным видом, словно их вчерашнего откровенного разговора никогда не бывало.

Чжуаси, услышав знакомый голос, мгновенно вынырнул из-под одеяла, ловко уселся на нарах и уставился на Мао Сяофэя круглыми, любопытными глазенками.

Мао Сяофэй затаил дыхание.

Малыш робко выдохнул:

— Папа.

В казарме повисла мертвая тишина.

Сяофэю было плевать на досужие пересуды этих желторотиков. Кроме Сюй Цю и Сюй Ци, до него тут никому дела не было, так с какой стати ему волноваться об их мнении? Он бережно взял Чжуаси на руки и сел на нары. Почувствовав, что ребенок мелко дрожит, Сяофэй встревоженно прижал ладонь к его лбу:

— Где болит, маленький? Что-то не так?

Мальчик промолчал, лишь забавно зашмыгал носом, принюхиваясь к запаху Сяофэя. Наконец он устроился поудобнее у него на груди и доверчиво заглянул снизу вверх.

Глядя на это крошечное, истощенное тельце и бледное детское личико, Сяофэй почувствовал, как сердце исходит нежностью — особенно когда встретил этот преданный, полный безграничной веры взгляд.

Малыш был еще слишком слаб, поэтому Сяофэй следующие несколько дней ни на шаг от него не отходил: спал с ним в обнимку, а днем повсюду носил с собой, опасаясь, как бы помощник генерала Лю не утащил мальчишку в его отсутствие.

Зубов у Чжуаси не было, так что кормить его приходилось жидкой кашей. Видя, что ребенок постоянно голоден, Сяофэй не выдержал: раздобыл пару яиц и приготовил нежный, тающий во рту золотистый омлет.

Стоило малышу один раз попробовать это лакомство, как во время каждого обеда он начинал смотреть на своего названного отца такими жалобными, просящими глазами, что у того сжималось сердце.

Впервые в жизни Сяофэй подумал:

«Эх, будь я богат... Кормил бы его досыта лучшими яствами, покупал бы самые красивые одежды»

Когда ребенку стало немного лучше, Сяофэй привел его к только что отстроенной бревенчатой избушке. Чжуаси тут же принялся гоняться за дикими фазанами, распугав птиц так, что те с истошным квохтаньем взлетали на изгородь.

Сяофэй подхватил Чжуаси на руки и усадил на высокий деревянный брус так, чтобы их лица оказались на одном уровне.

— Больше ты не варвар. С этого дня у тебя будет новое имя.

Малыш захлопал круглыми глазенками и ткнул крошечным пальчиком себе в грудь:

— Фу Дун.

— Твое настоящее имя — Фу Дун? — догадался Сяофэй.

Чжуаси замотал головой:

— Первое имя. Его дал первый папа.

При мысли о том, что прошлого отца этого мальчика — варвара из племени — он прикончил собственной рукой, Сяофэю стало не по себе. Жутковатое чувство, от которого не спасало даже нынешнее родство.

— А где твой первый папа? — не удержался он от вопроса.

— Умер.

—...

— Его убил второй папа.

Малыш погрузился, он обиженно надул щеки. Он потянулся к Сяофэю тоненькими ручонками, крепко обнял за шею и принялся ластиться, прижимаясь теплой щекой к лицу названного отца. Посмотрев на Сяофэя со всей детской серьезностью, он прошептал:

— Ты только не умирай. Будь всегда со мной.

— Фу Дун.

— Да, меня зовут Фу Дун. И папа всегда будет со мной.

Это имя совсем не походило на варварское. Должно быть, первый человек, подобравший сироту, был родом из Цинси.

— Договорились, — улыбнулся Сяофэй, ласково погладив мальчика по голове. — Но с этого дня ты должен во всем меня слушаться. И говорить только правду. Обещаешь не врать?

Фу Дун радостно взвизгнул, спрыгнул с метровой высоты и, привычно опустившись на четвереньки, быстро оббежал вокруг Сяофэя.

Сяофэй только диву давался. Поймав сорванца, он еще полчаса отчитывал его за то, что тот елозит по грязи. Вечером они устроились спать в новой избушке. Фу Дун улегся прямо на живот Сяофэю и полусонным голосом принялся отвечать на расспросы.

Оказалось, мальчик и впрямь вырос среди волков. Первым его нашел лекарь по имени Фу Минъюань, когда собирал целебные травы в горах. Он забрал ребёнка-волка к себе и потратил добрых полгода, обучая его ходить на двух ногах и мало-мальски говорить. Позже Фу Минъюань вместе с женой отправился навестить родню в Верхней Ци. На их повозку напали варвары. Заметив смышленного малыша, они решили забрать его с собой: кочевники страдали от нехватки людей, а потому всех плененных детей отдавали в семьи одиноких мужчин.

— Он был очень злой. Постоянно колотил меня. И старого папу зарезал, — сонной скороговоркой выдал Фу Дун, лениво прикрывая глаза. Он бездумно почесал ягодицу, и Сяофэй принялся легонько гладить его по спине, убаюкивая.

— Старого папу?

— Угу. Он был совсем старенький. Ему было целых пятьдесят пять лет.

Должно быть, пожилой лекарь души не чаял в найденыше, относясь к нему как к позднему сыну. Но стоило Фу Дуну попасть к варварам, как он быстро перенял их дикие повадки. Полгода с Фу Минъюанем просто не хватило, чтобы полностью выбить из мальчика волчьи привычки и сделать из него настоящего человека.

— Засыпаешь? — прошептал Сяофэй, перебирая его жесткие, спутанные вихры.

— Угу. Папа, а мы сегодня не вернемся в большой дом к дядям? — едва слышно спросил Фу Дун.

— А ты хочешь туда?

— Не хочу. Тут хорошо. Только ты и я.

Малыш попытался обнять его своими коротенькими ручонками. Он так долго бежал за Сяофэем, претерпел столько невзгод, и вот наконец получил то, о чем мечтал. Пожалуй, это была самая спокойная ночь в его жизни с тех пор, как они покинули стойбище варваров.

— Тогда спи. Мы никуда не пойдем, — шепнул Сяофэй.

Ребенок смолк. Мао Сяофэй уложил ладонь на его хрупкую спинку, чувствуя мерное, сонное дыхание, и воспоминания невольно унесли его в прошлое. Он ведь тоже рос сиротой. Своих родителей не знал, доброго приюта не видел. Единственный, кто относился к нему по-человечески — бездомный старик — сгинул, так и не дождавшись, пока парень встанет на ноги. Приемная родня держала в голод, а когда его насильно выдали за князя Аньяна, новоиспеченные матушка с батюшкой спали и видели, как бы вытрясти из него побольше золота.

Сяофэй глубоко вздохнул и медленно выдохнул, прогоняя тоску.

Мягкий лунный свет заливал военный лагерь, бросая длинные колеблющиеся тени гор и деревьев на зеркальную гладь воды.

— И не думай, что я хочу читать тебе нотации, но ты обошелся с ним слишком жестоко.

В покоях императорского дворца князь Аньян глушил редкие вина так, словно они ничего не стоили. Он расположился в западном крыле — именно здесь он всегда останавливался, навещая столицу. По соседству находился дворец любимой наложницы императора Гунси Сюаня, госпожи Ли.

— Брат мой, умоляю, избавь меня от нотаций. Разве я не отправил уже людей на его поиски? — Князь Аньян пьяно икнул, заставив императора брезгливо поморщиться.

— Ты понятия не имеешь, каково это! Столько времени в браке, а он меня и на шаг к себе не подпустил. Да я отродясь не сдерживал себя так долго! Берег его, дурака, боялся силой взять...

А когда всплыла эта грязная история, я просто рассудок потерял от ярости. Любой бы взбесился! Если бы твоя любимая дражайшая супружница крутила шашни с другим, неужто ты, братец, не прибил бы их на месте?

Во всей империи Верхняя Ци только князь Аньян смел вести себя столь дерзко в присутствии монарха. Гунси Сюань отличался мягким нравом и с самого детства опекал Янь Нинжуна. Их братская привязанность была глубже и крепче, чем у иных единокровных братьев.

— Пей поменьше, — покачал головой император. — У меня и так забот невпроворот. Живи во дворце, раз уж приехал, но не смей устраивать дебоши. Если навлечешь на себя гнев вдовствующей императрицы, выгораживать тебя я не стану.

Когда Гунси Сюань ушел, Янь Нинжун развалился на кушетке, задрал ноги, и лениво запрокинул кувшин. Хмельная влага лилась мимо рта, заливая ему лицо и воротник.

Возвращаться домой совершенно не хотелось. Огромное Поместье князя Аньяна без Сяофэя казалось пугающе пустым. Из кухни больше не тянуло умопомрачительными ароматами наваристого супа, никто не встречал его у порога, заглядывая в лицо. Загуляй он в Павильоне Весенней Груши хоть до рассвета — никто больше не спросит с робким упреком: «Где же ты пропадал?»

Впрочем, «любовничка» Мао Сяофэя они уже нашли.

Кто бы мог подумать, что этот хваленый ухажер окажется столь жалким слизняком? Не успели его пару раз огреть палкой, как он обосрался от страха и выложил все до последнего слова. Янь Нинжун никак не ожидал такого поворота. Ему-то не терпелось взглянуть на соперника: думал, тот и лицом краше, и мощной потяжелее, и обхождением нежнее, да и родовитостью не уступит самому князю Аньяну. А вышло, что всю эту кашу заварила их собственная семейная матрона.

«Ты взял простого кухаря в княгини-консорт! — заявила ему старая вдова. — С каким лицом я явлюсь в загробное царство и предстану перед твоим покойным дедом?»

От такого ответа старой матроны Янь Нинжун не знал, плакать ему или смеяться. Разочарованный и злой, он сбежал во дворец к венценосному брату изливать душу, а заодно добраться до знаменитых императорских погребов, где всегда можно было найти лучшее вино, чтобы забыться беспробудным сном.

Лунный свет мертвенно серебрил белые яшмовые перила. Князь пил без просыпи, стремительно теряя человеческий облик и вельможный лоск. Ищейки до сих пор не напали на след беглеца. Янь Нинжун хмуро прищурился, прижался горячим лбом к ледяному камню и несильно ударил себя кулаком в грудь.

Да что же на этот раз ему так чертовски паршиво?

Любовников у него прежде бывало столько — от дворцовых покоев до самых ворот Шаннаня очередь выстроилась бы. И все они уходили от него, заливаясь слезами. Чем же этот замарашка отличался от них? Да ничем, казалось бы. Разве что готовить умел, роскоши сторонился да втихаря стирал княжеское белье. А еще, стоило Нинжуну напиться в стельку, этот негодник варил жуткую, горькую жижу и, зажав ему нос, бесцеремонно заливал похмельное варево прямо в горло. Когда у князя бывало доброе расположение духа, Сяофэй принимался строить из себя сварливую женушку: бранил за расточительность, твердил, что золото не падает с неба, и уговаривал побыстрее взять пару родовитых наложниц, чтобы продолжить род Янь.

Янь Нинжун горько усмехнулся. Мао Сяофэй определенно никогда его не любил — иначе с чего бы ему так настойчиво сватать мужу чужих девок?

Но почему тогда, сбегаю, он ушел с пустыми руками? Забрал лишь скромный подарок к именинам — заколку из зеленой яшмы, которую Нинжун собственноручно заколол в его волосы. Никто ведь не собирался выставлять его на улицу нищим! К чему было оставлять все золото и забирать лишь эту безделушку?

Князь раз за разом вспоминал тот день, когда поддался внезапному порыву. Он ведь не просто приготовил подарок — он усадил Сяофэя перед зеркалом, укротил непослушную шевелюру и сам вставил заколку. А потом не удержался и поцеловал в теплую шею... Да, его тут же отвлекли делами, он развернулся и ушел, но то, как Сяофэй густо покраснел от смущения и застыл, не смея поднять глаз... Отчего эти воспоминания теперь терзают душу с такой неистовой силой? Сяофэй ведь всегда казался пресным, как вареная трава без соли!

Янь Нинжун грязно выругался сквозь зубы.

— Эй, бездельники! Что за кислятину вы мне подсунули? Не берет! Живо несите самое крепкое пойло, какое есть в погребах!

Широким взмахом рукава он смахнул со стола кувшины. Глиняные сосуды с грохотом покатались по полу, а перепуганные слуги бросились со всех ног выполнять приказ взбалмошного князя.

<http://bllate.org/book/18429/1826553>